

А.К.ТОЛСТОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

А. К. ТОЛСТОЙ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В
ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

А. К. ТОЛСТОЙ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

**ТОМ
ПЕРВЫЙ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва 1963

P-1

T-52

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания*
И. ЯМПОЛЬСКОГО

Художник
Н. КРЫЛОВ

А. К. ТОЛСТОЙ

Литературная деятельность А. К. Толстого протекала в основном в пятидесятые — семидесятые годы XIX века — период острой политической и литературной борьбы.

В русской поэзии этих лет отчетливо обозначились два основных течения: одно из них — демократическая и реалистическая школа Некрасова, другое — коренным образом отличающаяся от нее по своим политическим и творческим установкам школа «чистой поэзии». Наряду с Фетом и Майковым, Толстой примыкал к последней и не раз выступал с защитой ее позиций в своих полемических стихотворениях, письмах и статьях.

Теория «искусства для искусства» стремилась, как известно, отгородить литературу от самых животрепещущих вопросов современности. Потому даже из книг лучших поэтов, связанных с нею, мы, по словам С. Я. Маршака, неизмеримо «меньше узнаем о чувствах и событиях эпохи, о жизни русского народа, города, деревни, чем из деятельной, щедрой и отзывчивой поэзии Некрасова»¹.

Принадлежность к школе «чистой поэзии» характеризует, конечно, не только политические симпатии и эстетические взгляды Толстого, но и его поэтическую практику. Однако сложная и противоречивая социально-политическая позиция Толстого во многих отношениях выводила его творчество за пределы догмы «искусства для искусства».

¹ С. Маршак, Воспитание словом, М. 1961, стр. 68.

С материнской стороны Алексей Константинович Толстой происходил из рода Разумовских. Последний украинский гетман Кирилл Разумовский был его прадедом, а граф А. К. Разумовский — вельможа и богат, сенатор при Екатерине II и министр народного просвещения при Александре I — дедом.

Мать поэта, ее братья и сестры были побочными детьми А. К. Разумовского. В начале XIX века они были узаконены, получив дворянское звание и фамилию Перовские.

В 1816 году семнадцатилетняя Анна Алексеевна Перовская вышла замуж за графа К. П. Толстого, брата известного скульптора, рисовальщика и гравера Ф. П. Толстого. 24 августа 1817 года в Петербурге родился будущий поэт. Отец, однако, не играл в его жизни никакой роли: родители сейчас же после рождения сына разошлись, и Толстой был увезен матерью в Черниговскую губернию. Там, среди южной украинской природы, в имениях матери, а затем ее брата, Алексея Перовского, он провел свое детство, оставившее, по его собственному признанию, одни только светлые воспоминания.

Литературные интересы обнаружились у Толстого очень рано. «С шестилетнего возраста,— сообщает он в письме к А. Губернату, — я начал марать бумагу и писать стихи — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов... Я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику». Алексей Перовский — известный прозаик двадцатых — тридцатых годов, печатавший свои произведения под псевдонимом «Антоний Погорельский», — культивировал в племяннике любовь к искусству и поощрял его первые литературные опыты.

Десяти лет Толстой впервые был с матерью и Перовским за границей. В Веймаре они посетили Гёте. Сильное впечатление произвело на Толстого путешествие по Италии в 1831 году. Проезжая из города в город, он любовался все новыми и новыми памятниками искусства, посещал мастерские художников, присутствовал при покупках, которые делал Перовский в антикварных магазинах и у разорявшихся итальянских аристократов. Все это нашло яркое отражение в детском дневнике Толстого.

В 1834 году Толстого определили «студентом» в Московский архив министерства иностранных дел. В обязанности «архивных юношей», принадлежавших к знатным дворянским семьям, вхо-

дили разбор и описание древних документов. С начала 1837 года Толстой служил в русской миссии при германском сейме во Франкфурте-на-Майне, а в декабре 1840 года перевелся во второе отделение собственной е. и. в. канцелярии, в ведении которого были вопросы законодательства. В 1843 году он получил придворное звание камер-юнкера.

Красивый, приветливый и остроумный молодой человек, одаренный незаурядной памятью и такой физической силой, что он винтом сворачивал кочергу, прекрасно знавший иностранные языки, начитанный, Толстой делил свое время между службой, то и дело прерываемой отпусками, светским обществом и литературой. Светская жизнь, по его собственному признанию, очень привлекала его в молодости.

Служба и светская жизнь не заглушили литературных интересов Толстого; он относился к литературе глубоко и серьезно. До 1836 года главным его советчиком был А. А. Перовский (в 1836 г. он умер), который показывал стихи молодого поэта своим литературным друзьям, в том числе В. А. Жуковскому. Сохранилось свидетельство, что первые опыты Толстого были одобрены Пушкиным. Толстой видел однажды Пушкина у Перовского, и тот произвел на него сильное впечатление; на всю жизнь он запомнил заразительный смех великого поэта¹.

К концу тридцатых — началу сороковых годов относятся два написанных на французском языке фантастических рассказа — «Семья вурдалака» и «Встреча через триста лет». В мае 1841 года Толстой впервые выступил в печати, издав отдельной книгой, под псевдонимом «Краснорогский» (от названия имения — Красный Рог), фантастическую повесть «Упырь». Весьма благожелательно отзывался о повести В. Г. Белинский.

В сороковых годах Толстой напечатал очень мало — одно стихотворение и несколько очерков и рассказов. Но уже тогда был задуман и начат исторический роман «Князь Серебряный». Уже тогда Толстой сформировался и как лирик, и как автор баллад. К этому десятилетию относятся многие из его широко известных стихотворений — «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», «Колокольчики мои...», «Василий Шибанов», «Курган»

¹ Б.[Маркевич], Хроника, «С.-Петербургские ведомости», 1875, № 266, 5 октября; Д. Н. Цертелев, Отношение гр. А. К. Толстого к Пушкину, «С.-Петербургские ведомости», 1913, № 182, 15 августа.

и др. Все эти стихотворения были опубликованы, однако, значительно позже. С середины сороковых годов интерес к поэзии резко упал, основные задачи передовой русской литературы решались преимущественно в прозаических жанрах, стихов печаталось чрезвычайно мало, и Толстой, по-видимому, вполне удовлетворялся небольшим кружком своих слушателей — светских знакомых и приятелей.

В 1850 году Толстого прикомандировали к сенатору Давыдову, которому была поручена ревизия Калужской губернии. Поэт прожил в Калуге полгода. Он часто посещал жену губернатора, известную Александру Осиповну Смирнову-Россет, приятельницу Гоголя, Пушкина и других русских писателей первой половины XIX века, читал ей свои стихи и главы из «Князя Серебряного». У Смирновых Толстой более близко сошелся с Гоголем, который познакомил своих калужских приятелей с отрывками из второго тома «Мертвых душ».

К первой половине пятидесятих годов относится возникновение Козьмы Пруtkова. Это не простой псевдоним, а созданная Толстым и его двоюродными братьями Алексеем и Владимиром Жемчужниковыми сатирическая маска тупого и самовлюбленного бюрократа Николаевской эпохи. От имени Козьмы Пруtkова они писали стихи, пьески, афоризмы и анекдоты, высмеивая в них явления окружающей действительности и литературы. В основе их искреннего и заразительного смеха лежали неоформленные оппозиционные настроения, желание как-то преодолеть гнет и скуку мрачных лет николаевской реакции. Пруtkовским произведениям соответствовал и в жизни целый ряд остроумных проделок, которые имели тот же смысл. Рассказывали, например, о том, как один из «опекунов» Пруtkова объезжал ночью в мундире флигель-адъютанта главных петербургских архитекторов, сообщив им, что провалился Исаакиевский собор, и приказав от имени государя явиться утром во дворец, и как был раздражен, узнав об этом, Николай I.

В январе 1851 года была поставлена комедия Толстого и Алексея Жемчужникова «Фантазия», впоследствии включенная в собрание сочинений Пруtkова. Это пародия на господствовавший еще на русской сцене пустой, бессодержательный водевиль. Присутствовавший на спектакле Николай I остался доволен пьесой и приказал снять ее с репертуара.

В ту же зиму 1850—1851 годов Толстой встретился с женой конногвардейского полковника Софьей Андреевной Миллер и

влюбился в нее. Они сошлись, но браку их препятствовали, с одной стороны, муж Софьи Андреевны, не дававший ей развода, а с другой — мать Толстого, недоброжелательно относившаяся к ней. Только в 1863 году брак их был официально оформлен. Софья Андреевна была образованной женщиной; она знала несколько иностранных языков и обладала, по-видимому, незаурядным эстетическим вкусом. Толстой не раз называл ее своим лучшим и самым строгим критиком и прислушивался к ее советам. К Софье Андреевне обращена вся его любовная лирика начиная с 1851 года.

Толстой постепенно приобретал более широкие литературные связи. В начале пятидесятых годов поэт сблизился с Тургеневым, которому помог освободиться из ссылки в деревню за напечатанный им некролог Гоголя, затем познакомился с Некрасовым и кругом «Современника», с Б. М. Маркевичем, ставшим впоследствии одним из его близких приятелей. В 1854 году, после большого перерыва, Толстой снова выступил в печати. В «Современнике» появилось несколько его стихотворений и первая серия прутковских вещей.

В годы Крымской войны Толстой сначала хотел организовать партизанский отряд на случай высадки на балтийском побережье английского десанта, а затем, в 1855 году, поступил майором в стрелковый полк. Но на войне поэту побывать не пришлось — во время стоянки полка под Одессой он заболел тифом. После окончания войны, в день коронации Александра II, Толстой был назначен флигель-адъютантом.

Вторая половина пятидесятых годов — период большой поэтической продуктивности Толстого. «Ты не знаешь, какой гром рифм грохочет во мне, какие волны поэзии бушуют во мне и просятся на волю», — писал он жене. В эти годы написано около двух третей всех его лирических стихотворений. Поэт печатал их во всех толстых журналах.

Уже в 1857 году наступило охлаждение между Толстым и редакцией «Современника», где к тому времени руководящую роль стал играть Чернышевский. «Я тебе признаюсь, что я не буду доволен, если ты познакомишься с Некрасовым. Наши пути разные», — читаем в одном из писем к жене. После этого стихи его в «Современнике» больше не появлялись. Одновременно произошло сближение со славянофилами. Толстой стал постоянным сотрудником «Русской беседы» и подружился с И. С. Аксаковым. Но через несколько лет обнаружились суще-

ственные расхождения. Толстой отрекся от своих симпатий к славянофилам и не раз высмеивал их претензии на представительство подлинных интересов русского народа.

Как флигель-адъютант Толстой часто бывал при дворе. Однако служебные обязанности (одно время он был также делопроизводителем комитета о раскольниках) становились все более неприятны ему. Когда курьер из дворца приезжал к портю с извещением об очередном дежурстве, он открыто выражал свое неудовольствие. В письмах к жене Толстой много раз повторял то, о чем говорится в стихотворной шутке, выражавшей, по его собственным словам, его «всегдашнюю мысль»:

Исполнен вечным идеалом,
Я не служить рожден, а петь!
Не дай мне, Феб, быть генералом,
Не дай безвинно поглупеть!

Еще при назначении флигель-адъютантом Толстой сделал попытку отказаться, но безуспешно. Лишь в 1859 году ему удалось добиться бессрочного отпуска, а в 1861 году — отставки. Толстой писал Александру II: «Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природе... Я надеялся... победить мою природу художника, но опыт доказал мне, что я боролся с ней напрасно».

Добившись отставки, Толстой поселился в деревне. Он жил то в своем имении Пустыньке, под Петербургом, то — чем дальше, тем все больше — в далеком от столицы Красном Рого (Черниговской губернии, Мглинского уезда). В Петербург поэт только изредка наезжал.

Бывая во дворце, он не раз пытался осуществлять ту роль «бесстрашного сказателя правды», о которой писал Александру II. В частности, Толстой неоднократно защищал от репрессий и преследований писателей. Еще в середине пятидесятих годов он активно участвовал в хлопотах о возвращении из ссылки Тараса Шевченко. Летом 1862 года он вступился за И. С. Аксакова, которому было запрещено редактировать газету «День», в 1863 году — за Тургенева, привлеченного к делу о лицах, обвиняемых в сношениях с «лондонскими пропагандистами», то есть Герценом и Огаревым, а в 1864 году предпринял даже попытку смягчить судьбу Чернышевского. На вопрос Александра II, что делается в литературе, он ответил, что «русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского». Александр II не дал ему договорить: «Прошу

тебя, Толстой, *никогда* не напоминать мне о Чернышевском»¹. Произошла размолвка, и никаких результатов, на которые надеялся поэт, разговор этот не принес. Однако в обстановке все более сгущавшейся реакции, когда и многие либералы высказывали полное удовлетворение расправой с Чернышевским, это был акт несомненного мужества.

Несмотря на близость Толстого ко двору и давнее знакомство с поэтом, Александр II никогда не считал его вполне своим человеком. Когда в 1858 году учреждался негласный комитет по делам печати, он отверг предложение министра народного просвещения Е. П. Ковалевского включить в него писателей — Тютчева, Тургенева и др. «Что твои литераторы, ни на одного из них нельзя положиться», — с раздражением сказал он. Ковалевский, по свидетельству современника, «просил назначить хоть из придворных, но из людей, по крайней мере, известных любовью к словесности: кн. Николая Орлова, графа Алексея Конст. Толстого и флигель-адъютанта Ник. Як. Ростовцева, и получил самый резкий отказ»².

Этот эпизод хорошо характеризует восприятие личности Толстого в высших сферах. Человек отзывчивый, благородный и прямой, он непримиримо относился ко всякой подлости, был независим в своих суждениях и поведении, органически чужд духу приспособленчества, угодливости и карьеризма. Толстому нельзя было приказать или даже намекнуть, чтобы он сделал то, что противоречит его взглядам. Такой ли человек нужен был для органа надзора за печатью и литературой?

Вместе с тем в шестидесятые годы Толстой подчеркнуто держался в стороне от литературной жизни, встречаясь и переписываясь лишь с немногими писателями: Гончаровым, К. К. Павловой, Фетом, Б. М. Маркевичем. В связи с обострением общественной борьбы поэт, подобно многим своим современникам — Фету, Льву Толстому, все чаще противопоставлял актуальным социально-политическим вопросам и вообще истории вечные начала стихийной жизни природы. «Петухи поют так, будто обаяны по контракту с *неустойкой*, — писал он Маркевичу. — ...Зажглись огоньки в деревне, которую видно по ту сторону озера.

¹ Ив. Захарьин (Якушин), Гр. А. А. Толстая, «Вестник Европы», 1905, № 4, стр. 634—635.

² Письмо П. В. Долгорукова к Н. В. Путяте от 21 декабря 1858 г., «Мурановский сборник», вып. 1, 1928, стр. 113.

Все это хорошо, это я люблю, я мог бы так прожить всю жизнь... Черт побери и Наполеона III, и даже Наполеона I! Если Париж стоит обедни, то Красный Рог со своими лесами и медведями стоит всех Наполеонов... Я бы легко согласился не знать о том, что творится в нашем *seculum* <столетии>... Остается истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какой моды, ни от какого веяния...— и вот этому-то я всецело отдаюсь».

Печатался Толстой преимущественно в реакционном журнале М. Н. Каткова «Русский вестник», а с конца шестидесятых годов — одновременно в «Русском вестнике» и в либеральном «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича, несмотря на их враждебные отношения и постоянную полемику. Но ни на один из них Толстой не смотрел как на свой журнал, близкий ему по своим взглядам и симпатиям.

В начале шестидесятых годов Толстой напечатал «драматическую поэму» «Дон Жуан» и роман «Князь Серебряный», а затем написал одну за другой три пьесы, составившие драматическую трилогию: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» (1862—1869). В 1867 году вышел сборник стихотворений Толстого, подводивший итог его больше чем двадцатилетней поэтической работе.

Во второй половине шестидесятых годов Толстой вернулся к балладе и создал ряд превосходных образцов этого жанра; лирика занимает теперь в его творчестве гораздо меньше места, чем в пятидесятых годах. В конце шестидесятых и в семидесятых годах написана и большая часть его сатир.

Толстой был гуманным помещиком. Он разрешал краснорогским крестьянам пасти скот на своих лугах, давал им лес и пр.

Но своими имениями сам поэт никогда не занимался. И в пореформенных условиях хозяйство велось хаотично, патриархальными методами. Практический Фет, передавая в своих воспоминаниях впечатления от посещения Красного Рога в 1869 году, пишет: «Нас всех везла прекрасная четверка. По страсти к лошадям я спросил графа о цене левой пристяжной.— «Этого я совершенно не знаю,— был ответ,— так как хозяйством решительно не занимаюсь...» Там, где леса разбегались широкими сенокосами, я изумлялся обилию стогов сена. На это мне пояснили, что сено накаплиют в продолжение двух-трех лет, а затем (кто бы поверил?), за неимением места для склада, старые стога сжигают. Этого хозяйственного приема толстого гос-

подина, проживавшего в одном из больших флигелей усадьбы, которого я иногда встречал за графским столом в качестве главного управляющего, я и тогда не понимал, и до сих пор не понимаю»¹.

Жил Толстой широко. Его материальные дела постепенно приходили в расстройство. Особенно ощутимо стало разорение к концу шестидесятых годов. Поэт говорил своим близким, что не в состоянии жить так, как жил до сих пор, и принужден будет просить Александра II снова взять его на службу. Все это очень тяготило его и нередко выводило из себя. Этим объясняется в известной степени раздражительный тон многих его писем последних лет, некоторые неожиданные в его устах высказывания.

Толстой чувствовал себя социально одиноким и называл себя «анакоретом» (письмо к Стасюлевичу от 22 декабря 1869 года). Это социальное самочувствие усиливалось причинами личного характера — разорением, болезнью. Глубокой тоской веет от одного из его писем 1869 года. «Русская нация сейчас немногого стоит,— с болью писал он Маркевичу.—...Если бы перед моим рождением господь бог сказал мне: «Граф! выберите национальность, где вы хотите родиться!» — я бы ответил ему: «Ваше величество, везде, где вам будет угодно, но только не в России!»... И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов... мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам богом!»

С середины шестидесятых годов здоровье Толстого пошатнулось. Он стал жестоко страдать от астмы, грудной жабы, невралгии, сопровождавшейся мучительными головными болями. Ежегодно он ездил за границу лечиться, но это помогало лишь ненадолго. Умер Толстой 28 сентября 1875 года, в Красном Роге, выпрыснув слишком большую дозу морфия.

2

Толстой отрицательно относился к революционному движению и революционной мысли шестидесятых годов. Попытки объяснить это исключительно расхождением во взглядах на сущность и задачи искусства несостоятельны. Неприемлемые для

¹ А. Фет, Мои воспоминания, ч. 2, М. 1890, стр. 186.

Толстого эстетические теории Чернышевского и Добролюбова были в его сознании органической частью чуждой ему в целом политической идеологии. Если в некоторых его полемических стихотворениях («Пантелей-целитель», «Порой веселой мая...», «Против течения») действительно преобладает эстетическая тема, то в «Потоке-богатыре», строфах о нигилистах из «Послания к М. Н. Лонгинову о дарвинизме», во многих его письмах речь идет уже не об искусстве, а об отношении к крестьянству, атеизме, материализму. Толстой неоднократно говорил о своей неприязни к демократии и социализму.

Если бы идейный облик Толстого этим исчерпывался, его с полным основанием можно было бы зачислить в лагерь Каткова. Но Толстой боролся с революционной мыслью не с официозных позиций. Напротив, он в то же время крайне отрицательно относился к современному ему правительственным кругам и правительственным идеологам; достаточно вспомнить одну из самых блестящих сатир русской литературы «Сон Попова», последние строфы «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Песню о Каткове...». Письма его пестрят остротами и резкими словами о министрах и других представителях высшей бюрократии (Тимашеве, Буткове, Панине, Велю и др.), которую поэт считал каким-то наростом, враждебным подлинным интересам страны. О манифесте и «Положении» 19 февраля 1861 года он отзывался как о произведениях бюрократического творчества — таких длинных и невразумительных, «что черт ногу сломит» (письмо к Маркевичу от 21 марта 1861 г.). Толстой негодовал на деятельность III Отделения и цензурный произвол. Во время польского восстания он вел при дворе борьбу с влиянием Муравьева Вешателя, а после подавления восстания решительно возражал против русификаторской политики самодержавия и зоологического национализма официозных и славянофильских публицистов.

Ненависть Толстого к служебной карьере и желание всецело отдаться искусству связаны с его общим отношением к самодержавно-бюрократическому государству, бюрократическим и придворным кругам. Еще в 1851 году он писал жене: «Те же, которые не служат и живут у себя в деревне и занимаются участью тех, которые вверены им богом, называются праздношатающимися или вольнодумцами. Им ставят в пример тех полезных людей, которые в Петербурге танцуют, ездят на ученье или являются каждое утро в какую-нибудь канцелярию и пишут

там страшную чепуху». Это признание даже по своему тону напоминает аналогичные заявления Льва Толстого. Современная официозная Россия представлялась поэту глубоко враждебной искусству, антиэстетической во всех своих проявлениях: «Вообще вся наша администрация и общий строй — явный неприятель всему, что есть искусство,— начиная с поэзии и до устройства улиц».

Делались попытки сблизить Толстого со славянофилами на том основании, что и они, борясь с революцией, в то же время отрицательно относились к бюрократии. Но связи поэта со славянофилами (в возникновении этих связей отвращение к бюрократическому Петербургу, несомненно, сыграло известную роль) были, как отмечено выше, сравнительно недолгими, а разойдясь с ними, Толстой сказал о них много едких и насмешливых слов. «От славянофильства Хомякова меня мутит, когда он ставит нас выше Запада по причине нашего православия»,— писал Толстой. Он издевался над смирением, которое славянофилы считали исконным свойством русского народа и русского национального характера, смирением, «которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздыхать, возводя глаза к небу: Божья воля!.. Несть батогов, аще не от бога!» (письмо к Маркевичу от 2 января 1870 г.).

Толстой неизменно боролся со славянофильской (и не только славянофильской) проповедью национальной замкнутости, с теми, по словам Белинского, «слабоумными», которые считали, что «все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта»¹. Толстой подчеркивал, что Россия является европейской страной и русский народ — европейским народом, но это отнюдь не приводило его к принижению значения и национального своеобразия русской культуры.

В отличие от либералов-западников, видевших в буржуазной Европе образец, по которому должно пойти преобразование и развитие России, Толстой относился к ней весьма скептически. Современная Европа, которую поэт наблюдал во время своих заграничных путешествий, с ее мешанскими интересами и узким буржуазным практицизмом, не вызывала у него ни малейших симпатий. Однако неприятие буржуазной Европы и ее критика,

¹ «Петербург и Москва». — Полн. собр. соч., т. 8, М. 1955, стр. 386.

иногда меткая, опирались у него на идеал, обращенный не в будущее, а в прошлое. Интересен в этом отношении спор Толстого с Тургеневым, о котором рассказывает современник. Тургенев утверждал, что будущее Европы — в демократии: «Поглядите на Францию — это образец порядка, а между тем она все более и более демократизируется. — Толстой возражал горячо: он был совсем противоположного мнения. Принципы, торжествовавшие во Франции, и постоянные уступки радикалам ему претили в высшей степени... — То, к чему идет Франция, — говорит Толстой, — это господство посредственности... Как вы не видите, Иван Сергеевич, что Франция неуклонно идет вниз... — Тургенев почти ядовито заметил, что оба они, должно быть, под словами «подъем» и «упадок» понимают не то же самое. Тургенев, как он уверял, весь был на стороне того могучего движения, которое проникало тогда всю европейскую прессу, толкая Францию на путь демократизации»¹.

Оппозиционные настроения Толстого не делали его либералом, сторонником буржуазных реформ, хотя он и сходилась с либералами в отдельных своих оценках и требованиях. Европа, созданная буржуазными революциями, была в целом чужда ему. Об объединении Италии Толстой писал: «Знаменитое военное «единство» Италии не вернет аристократического духа республик, и никакое единство, доведенное слишком далеко, не сохранит никакому краю духа гражданства» (письмо к жене от 28 марта (9 апреля) 1872 г.). Передавая свои впечатления от посещения старинного немецкого замка Вартбург, он заметил: «У меня забилося и запрыгало сердце в рыцарском мире, и я знаю, что прежде к нему принадлежал» (письмо к жене от 15 (27) сентября 1867 г.).

Аналогичный характер имеет отношение Толстого к русскому историческому прошлому. Толстой не понимал большого исторического значения объединения русских земель в единое государство. Московское государство было для него воплощением одного лишь ненавистного ему деспотизма и власти бюрократии, оскудения и падения политического влияния аристократии, которое он болезненно ощущал в современности. Толстой с молодых лет интересовался эпохой Ивана Грозного и непосредственно за ним следующих царствований и постоянно

¹ К. Головин, Мои воспоминания, т. 1, СПб. 1908, стр. 283—284.